

Научная статья
УДК 811.134.3
DOI 10.18101/2686-7095-2025-1-12-20

ФОРМЫ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В РОМАНАХ КАМИЛУ КАШТЕЛУ БРАНКУ И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

© **Ковалев Константин Викторович**

кандидат филологических наук, доцент,
Институт языковых коммуникаций и психологии,
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
Россия, 190020, г. Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., 44
kovalev_kv@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования становятся португальский речевой этикет XIX в. и возможные способы его перевода на русский язык. В своей статье автор опирается на романы португальского прозаика Камилу Каштелу Бранку (1825–1890), в чьем творчестве широкое отражение нашла принятая в XIX в. культура речевого общения, воспроизведение которой важно как для правдоподобного изображения социальной организации общества, так и для создания речевой характеристики действующих лиц. Анализ используемых в классической литературе формул вежливости имеет значение для изучения речевого этикета португальском языке не только в синхроническом, но и в диахроническом аспекте. Установление соответствий между устойчивыми формулами вежливости в русском и португальском языках важно для большей эквивалентности художественного перевода, а также может представлять интерес с точки зрения психологии и социолингвистики, поскольку позволяет лучше изучить эволюцию мировосприятия общества.

Ключевые слова: Камилу Каштелу Бранку, португальская литература, португальский язык, речевой этикет, художественный перевод.

Для цитирования

Ковалев К. В. Формы речевого этикета в романах Камилу Каштелу Бранку и их перевод на русский язык // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2025. Вып. 1. С. 12–20.

Введение

В современной филологической науке все более значительный интерес вызывает исследование такого аспекта коммуникации, как речевой этикет, что объясняется преобладанием коммуникативных методик обучения иностранным языкам. Как отмечает Н. М. Фирсова, «изучение данной темы, разработка которой в силу ее многоаспектности должна вестись комплексно, в отечественной испанистике только начинается» [4, с. 5]. В еще большей степени это наблюдение может быть применено к отечественной португалистике. Существующий справочник Н. И. Формановской и Е. В. Астаховой по речевому этикету [5] отражает современные нормы культуры речевого общения в португалоязычных странах, но изучение того же материала с опорой на португальскую литературу XIX в. позволяет проанализировать эти нормы в диахроническом аспекте, в чем заключается актуальность проводимого исследования.

Целью предпринимаемого исследования становится изучение эволюции португальского речевого этикета как в устной, так и в письменной речи, а также определение наиболее близких эквивалентов в русском языке, поскольку многие формулы вежливости, использовавшиеся в период существования Российской империи, обладают определенными коннотативными значениями.

В качестве объекта исследования были выбраны романы Камилу Каштелу Бранку (Camilo Castelo Branco, 1825–1890) «Падший ангел» (*A Queda dum Anjo*, 1865) и «Утешительная книга» (*Livro de Consolação*, 1872). Они относятся к одному этапу в творчестве писателя, который датируется 1861–1875 гг. и считается наиболее плодотворным периодом его литературной деятельности, причем выбор данных произведений связан с тем, что они отражают разные периоды в истории португальского общества XIX в. Первый из них является романом из современной жизни, поскольку дистанция между временем действия и временем его создания составляет около пяти лет [1, с. 229], а второй роман можно отнести к историко-психологическим — время его действия отстоит от времени написания на несколько десятилетий. В истории Португалии эти десятилетия были насыщены событиями, которые способствовали необратимому переходу от традиционных идейных принципов и форм общественной жизни к последовательно развивающемуся социуму общеевропейского типа, причем многие идейные и социальные противоречия, возникшие в начале данного периода, постепенно сглаживались на протяжении первой и второй трети XIX в. [9, р. 759–760].

Для достижения поставленной цели было необходимо решить следующие задачи:

1) определить историко-социальную обусловленность формул речевого этикета, выбранных для речевых характеристик действующих лиц романов К. Каштелу Бранку;

2) установить, с помощью каких лексических соответствий возможен наиболее точный перевод данных формул на русский язык.

Научная новизна статьи заключается в том, что она является первым в отечественном литературоведении исследованием, специально посвященным применению формул речевого этикета в творчестве К. Каштелу Бранку. Несмотря на значение его творчества для истории португальской литературы и на сохранение интереса к его наследию в современном португальском и бразильском литературоведении, в российской науке этот писатель по-прежнему остается на периферии исследовательского внимания.

Это определяет также теоретическую и практическую значимость статьи, то есть возможность использования исследуемого материала в специальных учебных дисциплинах, посвященных культуре речевого общения, художественному переводу, истории португальской литературы и лингвострановедению. Метод исследования построен на контекстуально-ситуационном анализе используемых в романах К. Каштелу Бранку речевых формул вежливости и на установлении возможных эквивалентов в русском языке.

Результаты

Одной из особенностей его творчества являлось создание романной микросреды. По мнению А. Я. Эсалнек, впервые использовавшей этот термин, микро-

среда «определяется наличием романной ситуации, своеобразие которой заключается в дифференцированном подходе к персонажам, одни из которых (как правило, два–три) находятся на переднем плане, их судьбы во многом определяют движение сюжета, им отдается основное пространство и время, в силу чего они составляют так называемую романную микросреду, которая вписывается в среду, включающую всех остальных персонажей» [6, с. 146].

В романах и новеллах К. Каштелу Бранку реализация данного приема приобретает социокультурную направленность, то есть она связана с принадлежностью персонажей к определенному общественному слою и/или к группе лиц с относительно одинаковым уровнем образования, вследствие чего для раскрытия их внутреннего мира большое значение приобретает диалог, который можно подразделить на два типа в зависимости от объема их высказываний. Первый из них, который можно определить как динамический и который в контексте данного исследования представляет наибольший интерес, заключен в художественно-убедительном обмене достаточно краткими репликами (от нескольких слов до 2–3 предложений); второй тип диалога, который можно охарактеризовать как статический, реализуется в виде обмена развернутыми высказываниями, зачастую превращающимися в вербализацию внутреннего монолога действующих лиц [2, с. 51]. Вследствие самого своего содержания статический диалог не столь показателен с точки зрения концентрации формул речевого этикета, поскольку его адресат важен субъекту высказывания не как собеседник, а как слушатель.

Как отмечают Н. И. Формановская и Е. В. Астахова, «речевое поведение связано с речевым этикетом — специфическими и социально-закрепленными стереотипами общения, позволяющими выбрать соответствующие формы обращения... Такой выбор зависит от социального статуса и социальной роли говорящего и его партнера, их личностных отношений, официальной или неформальной обстановки, среды, в которой происходит коммуникация, и других факторов» [5, с. 3].

Во всех рассматриваемых случаях следует учитывать отражение исторических реалий как в оригинальном тексте романов, так и в переводах, например, отсутствие в португальском речевом этикете ряда титулований, принятых в русском речевом этикете периода XVIII — начала XX в., а также наличие коннотаций, придающих некоторым речевым формулам вежливости различное значение в русском и португальском языках — например, обращение «ваше превосходительство» в России исторически являлось титулованием «лиц, имевших в военной службе чин генерал-майора или генерал-лейтенанта, в гражданской — чин четвертого или третьего класса» [3, III, стб. 706], а в Португалии вплоть до настоящего времени «эта форма может быть применима в обыденной речи, когда хотят подчеркнуть положение какого-либо лица, продемонстрировать вежливое отношение» [5, с. 8].

Основные события романа «Утешительная книга» происходят в 1820–1828 гг., причем микросредой данного романа является родовитое дворянство, что находит отражение в используемых формулах вежливости. Например, при разговоре между мужчиной и женщиной одинаковыми по частотности и по ситуативности употребления оказываются модели «сеньора дона + личное имя» и «ваше превосходительство». Как правило, если в одной реплике используются обе эти речевые формулы, то реплика обязательно начинается со слов «сеньора дона...», причем данная этикетная норма характерна для обращения как к женщинам, равным по

положению говорящему, так и к тем героиням романа, которые занимают более высокую социальную позицию. Так, в речи главного героя романа, Венсеслау Тавейры, который «принадлежит к одной из стариннейших фамилий Верхней Бейры» [7, р. 146], встречаются обе речевые формулы вежливости:

«Dou-lhe os parabens, *Senhora Dona Ana*, porque, despachado o nosso Eduardo, não terá *Vossa Excelência* o desgosto de jantar sem ele» [7, р. 240].

«Поздравляю вас, *сеньора дона Анна*, потому что после назначения нашего Эдуарду на должность, *вашему превосходительству* не придется испытывать недовольство, ужиная без него».

Если мужчина и женщина различаются по своему общественному положению, то преобладающими речевыми формулами вежливости становятся обращения «сеньора дона / ваше превосходительство» и «сеньор». Например, в VIII главе «Утешительной книги» в диалоге дворянки Жулии Энрикеш де Миранда и крестьянского сына Эдуарду Пименты можно отметить, что не только последний соблюдает правила, принятые при обращении к представителям дворянства, но и его собеседница называет его «сеньор Пимента», используя наиболее нейтральную этикетную формулу, которая не указывает на общественный статус собеседника. Обращает на себя внимание и тот факт, что в речи Эдуарду Пименты при упоминании третьего лица, равного по положению его собеседнице, также присутствует титулование «сеньора дона»:

«— ...*Vossa Excelência* consente-me que eu seja rasgadamente franco nas melindrosas confidências que lhe vou fazer?

— Oh! pois não!

— Dá-me a honra de eu a considerar minha amiga?

— E sou deveras, *Senhor Pimenta*.

— E portanto facultá-me a liberdade de lhe falar como se fala a... uma irmã?

— Assim é que me consideram as pessoas de quem sou sincera amiga.

— *Vossa Excelência* tem nessa conta a *Senhora Dona Ana Vaz*» [7, р. 194].

«— ...*Ваше превосходительство* позволит мне быть до конца откровенным в том щекотливом деле, которое я хочу вам открыть?

— О, еще бы!

— Вы оказываете мне честь считать вас моим другом?

— И я действительно друг вам, *сеньор Пимента*.

— То есть я могу говорить с вами так же свободно, как говорят... с сестрой?

— Именно так ко мне относятся все люди, чьей искренней подругой я являюсь.

— Среди этих людей *ваше превосходительство* числит и *сеньору дону Анну Ваз*».

Следует отметить, что в разговоре между мужчинами абсолютно преобладающими и почти одинаковыми по частотности речевыми формулами являются «*Vossa Senhoria*» («ваша милость») и «сеньор + имя / фамилия / титул». Н. И. Формановская и Е. В. Астахова отмечают, что в настоящее время обращение «*Vossa Senhoria*» полностью вышло из употребления в устной речи и лишь изредка употребляется в официальной коммерческой переписке [5, р. 109]. Исторически, как

отмечено в современном толковом словаре португальского языка, данное обращение употреблялось только применительно к представителям высшей знати¹, однако анализ диалогов в «Утешительной книге» свидетельствует о том, что социальный статус является вторичным при выборе одной из двух речевых формул вежливости.

К примеру, в IX главе в ходе беседы между командором Франшишку Важем и Венсеслау Тавейрой собеседники используют с приблизительно одинаковой частотой обе вежливые формы обращения, при этом следует учитывать, что и Франшишку Важ, и Венсеслау Тавейра принадлежат к одной и той же социальной группе, причем их связывают дружеские отношения. Анализ содержания беседы показывает, что использование обращения «ваша милость» как более официального в неформальной беседе становится показателем несогласия с собеседником и демонстрирует большую отстраненность, чем это происходит при использовании этикетной формулы «сеньор командор» или «сеньор Венсеслау».

«— Bem pode ser, *senhor comendador*, que o fogo chamejasse, e o sentir abafado se expandisse, no momento em que *Vossa Senhoria* agora mesmo me disse que eu podia ser o esposo da *Senhora Dona Ana Vaz*... Sua filha, *senhor comendador* — prosseguiu Venceslau apoz uma grande pausa — sua filha não me ama.

— ... Como sabe que minha filha o não ama?

— Como sei que a não amo eu também... Praticávamos acerca do nosso saudoso Antonio, ou dialogávamos em francês sobre assuntos que me pareciam adequados à perspicácia intelectual de tão habil menina...

— Sei isso, *senhor Venceslau* — sobreveio o comendador. — Está-me *Vossa Senhoria* dando ares de quem se justifica de honrado comportamento.

— Não me justifico, *senhor Vaz*: explico a suprema quietação da minha alma em presença de uma senhora que eu estimava como se estima uma irmã favorecida de excelentes qualidades.

— Que ainda assim *Vossa Senhoria* não podia amar...» [7, p. 206].

«— Вполне могло произойти так, *сеньор командор*, что этот огонь вспыхнул бы, а подавленное чувство раскрылось в тот самый миг, когда *ваша милость* сказали, что я могу стать супругом *сеньоры доны Анны Важ*... Ваша дочь, *сеньор командор*... ваша дочь меня не любит...

— ... Как вы узнали, что моя дочь не любит вас?

— Так же, как я знаю, что сам не влюблен в нее... Мы говорили о нашем незабвенном Антониу или беседовали по-французски на темы, казавшиеся мне подходящими для умственного развития столь способной девушки...

— Я знаю об этом, *сеньор Венсеслау*, — нетерпеливо ответил командор. — Вы словно просите прощения за то, что вели себя достойно.

— Я не оправдываюсь, *сеньор Важ*. Я объясняю причину величайшей невозмутимости моей души в присутствии дамы, которую я всегда уважал, как уважают сестру, любимую за ее совершенные качества.

— И даже так *ваша милость* не смогли бы полюбить...».

¹ Dicionário da língua portuguesa. Porto: Porto Editora, 2006. P. 1526.

Косвенным подтверждением данного тезиса становится XII глава «Утешительной книги», где Эдуарду Пимента просит у командора Важа руки его дочери Анны. С точки зрения командора (который в соответствии с сюжетом дает согласие на брак против воли) жених обладает двойственной социальной природой: с одной стороны, он является офицером, с другой стороны, не наделен знатным происхождением. Тем не менее в диалоге командора и Эдуарду Пименты будущий тесть, обращаясь к собеседнику, называет его преимущественно «Ваша милость» [7, р. 229–230], то есть сохраняет видимую отстраненность от него, хотя и следует представлениям о вежливости, которые являлись общепринятыми в дворянском обществе Португалии первой половины XIX в. и разделялись его собеседником.

Эволюцию правил португальского речевого этикета и их социальной соотносительности позволяют проследить некоторые эпизоды романа «Падший ангел». В VIII главе приводится пример законодательно установленных в середине XVIII в. форм обращения:

«*Senhor presidente! Vossa Excelência* conhece a pragmática do Senhor Dom João V, acerca de tratamentos. Eu tenho de a ler amanhã a um tendeiro, que me vendeu figos de comadre, por que o homem se ofendeu de receber um *vossemecê*, que eu longanimamente lhe dei. O alvará resa assim: «Que aos viscondes e barões, aos oficiais da minha casa, e aos das casas das rainhas, e princezas destes reinos; aos gentis-homens das camaras dos infantes; aos filhos e filhas legítimos dos grandes, dos viscondes e barões... como também aos moços fidalgos... se dê o tratamento de *senhoria*. ...Falta uma *senhoria* legal para o homem, que me vendeu os figos. [8, р. 48–49].

«*Сеньор председатель! Вашему превосходительству* известна прагматика государя дона Жуана V относительно правил обращения. Завтра я должен буду прочесть ее лавочнику, который продает мне фиги, потому что этот субъект обиделся на «*любезного*», как я снисходительно его назвал. Алварá (королевский указ. — К. К.) гласит следующее: «К виконтам и баронам, чиновникам придворного штата короля и королев, а также принцесс нашего королевства, к дворянам, состоящим в придворном штате принцев крови, к законным сыновьям и дочерям виконтов и баронов, равно как к сыновьям дворян, следует обращаться «*Ваша милость*»... Человеку, который торгует фигами, не хватает законных оснований для «вашей милости» [1, с. 37–38].

В данном эпизоде обращает на себя внимание противопоставление формул «*Vossa Senhoria*» и «*Vossemecê*». Вторая из них, полностью вышедшая из употребления в современном португальском языке, является сокращением от «*Vossa Mercê*» (дословно переводится как «ваша милость»). Таким же дословным переводом обращения «*Vossa Senhoria*» является «ваше благородство», однако использование этой кальки в русском языке представляется неподходящим из-за сходства с русским титулованием «ваше благородие», которое «было присвоено невысоким чинам гражданской и военной службы (до штабс-капитана и титулярного советника включительно)» [3, I, стб. 149], то есть оно имело более строго ограниченные социальные рамки, чем формула «*Vossa Senhoria*» в португальском языке.

Поскольку в данном эпизоде представлен пример речевой коммуникации между дворянином и мелким торговцем, представляется возможным перевод об-

ращения «vossemecê» как «[Ваше] степенство», так как исторически в русском речевом этикете оно использовалось «при вежливо-почтительном обращении к купцам» [3, IV, стб. 510], а герой «Падшего ангела» настаивает на том, что проявил вежливость по отношению к лавочнику в соответствии с принятыми в старину нормами обращения.

Вместе с тем подобному переводу препятствует использование обращения «vossemecê» в XXVII главе «Падшего ангела», где происходит беседа между учителем сельской школы и женой главного героя — родовитой дворянкой:

«— Que me diz *vossemecê* senhor Braz, à demora do meu homem?

— Eu estou passado, *fidalga!* — disse o mestre-escola empunhando e sacudindo o queixo inferior. — Seu marido, a minha opinião é que ficou por lá embeijado nalguma mulher. Lisboa é uma Babilónia, *fidalga...*

— ... que? como disse *vossemecê?* perguntou D. Theodora.

— Quero dizer que dá com as canastras na água. Foi o que sucedeu *ao fidalgo*, futura-se-me isto! Sabio era ele, mas faltava-lhe a prática do mundo. Foi uma asneira mandá-lo às Cortes... E que diz ele nas cartas a *Vossa Excelência?*» [8, p. 165–166].

«— Что вы скажете, *любезный сеньор Браж*, о задержке моего мужа?

— Я поражен, *сударыня!* — ответил учитель, теребя нижнюю челюсть. — Мне кажется, что вашего мужа там пленила какая-нибудь женщина. Лиссабон — это Вавилон, *ваша милость...*

— ... Как вы сказали, *любезный сеньор?* — переспросила донна Теодора.

— Я хочу сказать, что повадился кувшин по воду ходить. Это и произошло с *его милостью*, думается мне! Он, конечно, мудрец, но мало знает о сегодняшнем мире. Большой глупостью было послать его в Кортесы... А что он говорит в письмах к *вашему превосходительству?*» [1, с. 118–119].

В данном эпизоде наряду с использованием в речи героини романа, обладающей более высоким общественным положением, чем ее собеседник, формулы «сеньор + имя собственное», мы встречаем постоянно употребляемое обращение «vossemecê», которое оказывается лишенным прямой связи с точной сословной или профессиональной принадлежностью собеседника, указывая лишь на его более скромную социальную позицию. В связи с этим представляются наиболее подходящими такие варианты перевода, как «любезный» или «милейший», которые создают иллюзию вежливости, одновременно отчетливо демонстрируя снисходительность говорящего по отношению к лицу, стоящему на более низкой ступени социальной иерархии. В свою очередь, обращает на себя обращение «*fidalga*» (дословно «дворянка», что может быть эквивалентно передано на русском языке как «сударыня»), выглядящее более неформальным, чем использование формулы вежливости «сеньора донна». Художественная мотивировка будет приведена автором в дальнейшем тексте романа, когда школьный учитель Браж Лобату сообщит о своем давнем знакомстве с семьей главного героя [1, с. 122]. В свою очередь, употребление в третьем лице аналогичного титулования мужского рода (*fidalgo*) представляется более целесообразно переводить как «его милость», поскольку русский речевой этикет предусматривает использование слова «сударь» только при прямом обращении.

Наряду с отражением в творчестве К. Каштелу Бранку эволюции как самих формул речевого этикета, так и их контекстуального и частотного употребления в устной речи большое значение для создания речевой характеристики действующих лиц имеет их личная переписка. Характерным примером такой эволюции становится эпизод из главы XXI «Утешительной книги», когда главный герой случайно обнаруживает письмо своей жены, адресованное другому мужчине:

«Pegou do papel, distendeu-o, leu a primeira palavra no alto da lauda, alisou um vinco onde uma letra parecia desfeita, releu e... vibrou-se todo no estremecer dolorosíssimo de homem que um súbito ferro encravou pelo peito. A palavra era *querido*. A letra final dela não era um *a*» [8, p. 299–300].

«Он взял листок, расправил его, прочел первые слова обращения, разгладил складку, из-за которой конец слова казался неразборчивым, перечел и... его сотрясла дрожь, сравнимая с той, которую ощущает человек, чью грудь внезапно пронзило железное острие. Это было слово «*любимый*». Письмо не было обращено к женщине».

Таким образом, можно прийти к выводу, что для неформального обращения в первой четверти XIX в. использование слова «любимый» в переписке между двумя женщинами было нейтральным, а при переписке между мужчиной и женщиной было возможно только в случае любовной связи между ними. В современном же речевом этикете слова «*querido*» и «*caro*» (дорогой) являются одинаково нейтральными, хотя первое из них как более экспрессивное по своему первоначальному значению частотно преобладает в речевом этикете Бразилии, а не Португалии [5, с. 105–106]. Возможно, это различие объясняется особенностями национального менталитета.

В заключение хотелось бы отметить, что проведенное исследование исторически и социально обусловленных стереотипов общения позволяет установить, что португальский речевой этикет XIX в. характеризовался большей выраженностью иерархических отношений, чем этого требуют современные нормы общения. Вместе с тем, если провести параллели с русским речевым этикетом той же эпохи, следует отметить значительно более разнообразную и определенную систему титулований, использовавшуюся в русской речевой коммуникации того же периода. Этому обстоятельству способствовала не столь отчетливо выраженная сословная стратификация португальского общества, в частности отсутствие в Португалии системы соответствий между гражданскими и военными чинами, аналогичной российской «Табели о рангах».

Изучение речевого материала, осуществленное в данной статье, может не только способствовать более полному исследованию стилистического своеобразия творчества К. Каштелу Бранку, но также позволяет точнее определить эквиваленты для португальских формул вежливости в русском речевом этикете. Это представляется необходимым для развития теории и практики художественного перевода, а в перспективе для исследования связи языка и мышления с использованием материала, основанного на изучении национально-специфических правил речевого поведения.

Литература

1. Каштелу Бранку К. Падший ангел / перевод К. Ковалева. Санкт-Петербург: Наука, 2011. 296 с. [Литературные памятники]. Текст: непосредственный.
2. Ковалев К. В. Роман К. Каштелу Бранку «Утешительная книга»: жанровое и нарративное своеобразие // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 9. 2013. Вып. 2. С. 46–54. Текст: непосредственный.
3. Толковый словарь русского языка: в 4 томах / под редакцией Д. Н. Ушакова. Москва: ОГИЗ. 1935–1940. Текст: непосредственный.
4. Фирсова Н. М. Испанский речевой этикет. Москва: ИНФРА-М, 2001. 184 с. Текст: непосредственный.
5. Формановская Н. И., Астахова Е. В. Речевой этикет. Русско-португальские соответствия. Москва: Высшая школа, 2004. 68 с. Текст: непосредственный.
6. Эсалнек А. Я. Русский и западноевропейский роман на рубеже XVIII–XIX веков // Русистика и компаративистика. 2007. Вып. 2. С. 145–153. Текст: непосредственный.
7. Castelo Branco C. Livro de Consolação. *Obras completas em 18 volumes. Volume VII*. Porto: Lello e Irmão, 1987: 137–324.
8. Castelo Branco C. *A Queda dum Anjo*. Porto: Edições Caixotim, 2001.
9. Saraiva A. J., Lopes O. *História da literatura portuguesa. 16ª edição*. Porto: Porto Editora, s.a.

Статья поступила в редакцию 08.01.2025; одобрена после рецензирования 09.02.2025; принята к публикации 11.02.2025.

FORMS OF SPEECH ETIQUETTE IN THE NOVELS OF CAMILO CASTELO
BRANCO AND THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN

Konstantin V. Kovalev

Cand. Sci. (Philology), A/Prof.,

Language Communication and Psychology Institute,

Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics

44 Lermontovskiy prospekt, 190020 St. Petersburg, Russia

kovalev_kv@mail.ru

Abstract. The article examines 19th-century Portuguese speech etiquette and possible ways of translating it into Russian. The author bases the analysis on the novels of Portuguese prose writer Camilo Castelo Branco (1825–1890), whose works provide a broad reflection of the speech culture of 19th century society. The accurate reproduction of this speech etiquette is essential for both the realistic depiction of social organization and the characterization of literary figures. The analysis of politeness formulas used in classical literature is significant for studying Portuguese speech etiquette not only from a synchronic perspective but also from a diachronic one. Establishing correspondences between fixed politeness formulas in Russian and Portuguese is crucial for achieving greater equivalence in literary translation. Additionally, this topic is of interest from a psycho- and sociolinguistic standpoint, as it helps to better understand the evolution of societal worldviews.

Keywords: Camilo Castelo Branco, Portuguese literature, Portuguese language, speech etiquette, literary translation.

For citation

Kovalev K. V. Forms of Speech Etiquette in the Novels of Camilo Castelo Branco and Their Translation into Russian. *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2025; 1: 12–20 (in Russ).

The article was submitted 08.01.2025; approved after reviewing 09.02.2025; accepted for publication 11.02.2025.